

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.1

EDN: FIRPIC

СВОБОДА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

**Лапаева
Валентина Викторовна¹**

¹ Институт государства и права РАН,
Москва, Россия

Для цитирования: Лапаева В. В. Свобода научного творчества как фактор обеспечения технологического суверенитета России // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т.5, № 4. С. 14–26. DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.1. EDN FIRPIC.

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ возможностей максимально полной реализации положения о свободе научного творчества, закреплённого в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ. Свобода научного творчества рассматривается как один из важнейших факторов обеспечения технологического суверенитета России, которому не уделяется должного внимания со стороны органов государственной власти. С этих позиций обосновывается тезис о том, что свобода научного творчества предполагает такую трактовку права на науку, которая включает в себя в том числе обязанность государства способствовать развитию науки. На основе метода юридико-догматического толкования текста Конституции РФ определяются направления разработки права на науку и наполнения его конкретным нормативно-правовым содержанием. Обосновывается идея принятия специального кодекса законов о науке и научно-технологической деятельности, который увязал бы всё правовое регулирование этой сферы в единый внутренне непротиворечивый комплекс. Особое внимание уделено роли международных регуляторных режимов «мягкого права» как фактора, влияющего на научно-технологическую политику России, и необходимости принятия организационных мер для более активного включения российских учёных в формирование глобальной, региональной и национальной повестки дня по соответствующей проблематике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

свобода научного творчества, Конституция РФ, право на науку, технологический суверенитет, концепция технологического развития, законодательство о науке, научно-технологический кодекс, отрасль научного права, «мягкое право»

Резкая дестабилизация системы международных отношений, уже перешедшая в фазу гибридных войн и прямых вооружённых конфликтов, накладывает отпечаток на все правовые проблемы современности, которые сейчас необходимо рассматривать в фокусе нарастающей напряжённости. В складывающейся ситуации особую актуальность для России приобретают задачи обеспечения государственного суверенитета как условия реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Суверенитет, как известно, – явление неделимое и многогранное. Выделение какого-то одного аспекта данного понятия носит условный характер и призвано подчеркнуть его особое значение для государства на современном этапе. Сейчас, как считает специальный представитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Д. Н. Песков, для любого государства ключевое значение приобретает технологический суверенитет¹, являющийся «в прямом смысле слова главным условием его выживания в современном мире»².

Что касается России, то здесь проблема технологического суверенитета стоит особенно остро, и не только из-за направленного именно на эту сферу санкционного давления, но и вследствие той научно-технологической политики, которая проводилась в постсоветский период в русле ориентации экономики на вхождение в глобальный рынок в качестве его сырьевого придатка. В настоящее время государственными структурами прилагаются усилия по концептуальному осмыслению проблем, связанных с достижением страной технологического суверенитета, которые требуют поддержки со стороны правовой теории и практики. Однако в ходе проводимой сейчас работы основной акцент делается на вопросах технологического развития, а проблемы науки, которая является творцом реализуемых в технологиях идей, отходят на задний план³. Такой подход, возможно, тактически оправданный в современной экстремальной ситуации, в стратегической перспективе представляется неверным. Поэтому в рамках нашего анализа положение о свободе научного

¹ Не вдаваясь в дискуссию по поводу данного понятия в научной литературе, далее мы будем придерживаться его официальной трактовки, согласно которой под технологическим суверенитетом понимается «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы» – Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/147621/> (дата обращения 12.09.2023).

² Почему для России важен технологический суверенитет // РБК. 10 июня 2022. Вып. № 077 (3570).

³ Показательно, что в нормативно-правовых документах постсоветской России первоначально речь шла именно о научно-технологическом суверенитете (Положение об Информационно-аналитическом центре Администрации Президента Российской Федерации – Распоряжение Президента РФ от 20 июля 1992 г. № 385-рп // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/1721> (дата обращения: 14.11.2023).

и технического творчества, закреплённое в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, будет рассмотрено с точки зрения возможностей максимально полной реализации *свободы научного творчества*.

В зарубежном правовом дискурсе права и свободы, развивающие п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека, где провозглашено право человека «участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами», нередко условно обозначаются термином «право на науку» [1, р. 53]. Этот термин закрепился в научных дискуссиях, хотя не все эксперты признают целесообразность выделения права на науку в системе прав человека⁴. Долгое время юристами предпринимались лишь отдельные попытки разработать содержание права на науку, но постепенно ситуация начинает меняться [2, с. 31]. В 2012 г. специальный докладчик по правам человека Фарида Шахид в своём выступлении на Генеральной ассамблее ООН отметила, что право на науку подразумевает: «1) право любого лица на доступ к благам науки без какой-либо дискриминации; 2) возможность каждого вносить свой вклад в науку и содействовать свободе, необходимой для научных исследований; 3) участие отдельных лиц и различных объединений в процессе принятия решений; а также 4) благоприятную среду, способствующую сохранению, развитию и распространению науки и техники»⁵. Таким образом, право на науку, трактуемое как право каждого человека на то, чтобы единолично или в рамках объединения вносить свой вклад в развитие науки, а также пользоваться её благами, было непосредственно увязано экспертами ООН с обязанностью государства создавать «благоприятную среду, способствующую сохранению, развитию и распространению науки и техники». Данная позиция была подтверждена и в последующих докладах специальных докладчиков от рабочих групп, действующих в рамках Совета ООН по правам человека⁶.

В отечественной юриспруденции идея выделения права на науку как особого права человека с трудом пробивает себе дорогу. Это обусловлено целым рядом причин, к числу которых относится также и доминирование в нашем правоведении представлений о том, что конституционным термином «свобода человека» обозначается автономия субъекта, внутри которой он может действовать по собственному усмотрению, а термин «право человека» используется для обозначения гарантированного государством правомочия субъекта на конкретно определённое действие и поведение. С позиций такого подхода свобода научного творчества сводится лишь к свободе научных исследований и трактуется как отсутствие несоразмерных ограничений научной деятельности со стороны государства. Однако подобные различия между понятиями «свобода человека» и «право человека» — это дань архаичной традиции естественного права. Современная философия права исходит из того,

⁴ Science as a human right: the need of a unified concept // UNESCO : [сайт]. 30 November 2018. URL: <https://en.unesco.org/news/science-human-right-need-unified-concept/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ UN General Assembly. HRC/20/26 (2012) Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights, Farida Shaheed // Объединённые нации. Цифровая библиотека : [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/730844> (дата обращения 19.09.2023).

⁶ Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты культурных прав. 2019 г. // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/28601/ (дата обращения: 02.09.2023).

что «в понятийно-правовом смысле эти термины равнозначны. Ведь право – это форма свободы, а свобода возможна лишь в форме права» [3]. Кроме того, очевидно, что в наши дни, когда наука уже давно перестала быть делом творчества автономных субъектов, свобода в этой сфере невозможна без создания системы правовых гарантий со стороны государства, представляющих собой правовое выражение разнообразных (финансовых, материальных, идеологических, организационных, информационных и т. д.) форм государственной поддержки. Именно такое смысловое наполнение права на науку вытекает из ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, где признаётся право каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения, при этом отмечается, что государства, участвующие в Пакте, должны принимать меры для полного осуществления этого права, включая те, которые «необходимы для охраны, развития и распространения достижений науки»⁷. В развитие такого подхода в рамках конституционной реформы 2020 г. в ст. 114 Конституцию РФ было внесено положение о том, что Правительство РФ «обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие её научного потенциала» (п. «в.1»).

Разработка права на науку в таком широком его понимании является сейчас одной из наиболее актуальных задач отечественной юриспруденции. Исследования в этой области могут осуществляться в русле двух взаимосвязанных направлений, включающих в себя: 1) раскрытие нормативного содержания тех прав человека, в которых абстрактное понятие «свобода научного творчества» находит своё конкретное выражение, построение соответствующих норм во внутренне непротиворечивый и беспробельный комплексный правовой институт или отрасль права и разработка предложений по оптимальному включению этого института или отрасли в систему права; 2) определение критериев (т. е. оснований и пределов) ограничения данных прав в соответствии с требованием ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека могут быть для защиты конституционных ценностей общего блага.

В конечном итоге речь идёт о создании максимально комфортных правовых условий для развития российской науки с учётом необходимых конституционных ограничений. Все иные действующие на данный момент ограничения, ориентированные на учёт международного регулирования, осуществляемого на уровне «мягкого права», должны быть проанализированы с позиций принципов и норм Конституции РФ, в соответствии с которыми и следует выстраивать правовую политику. Предварительный анализ действующего законодательства показывает, что подобная «инвентаризация» международного регулирования в сфере научно-технологического развития позволит выявить резервы для расширения свободы научного творчества российских учёных.

⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // КонсультантПлюс : [сайт]. https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 11.11.2023).

Рассмотрим каждое из этих направлений в отдельности.

1. На данный момент созданию *благоприятной среды для реализации права на науку* не уделяется надлежащего внимания в рамках той работы по обеспечению технологического суверенитета России, которая ведётся российскими органами законодательной и исполнительной власти. Показательна в этом плане недавно принятая Концепция технологического развития на период до 2030 года (далее – Концепция), где даётся понятие технологического суверенитета. Здесь сказано, что такой суверенитет обеспечивается путём «исследования, разработки и внедрения критических и сквозных технологий ... и производства высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях»⁸. Настораживает уже сама фраза «исследования, разработки и внедрение ... технологий». О каких «исследованиях технологий» идёт здесь речь, причём как-то вскользь и между делом? Если речь идёт о научных исследованиях как основе для разработки технологий, то это необходимо подчеркнуть, уделив специальное внимание таким исследованиям, как фактору обеспечения технологического суверенитета. В этом контексте обращает на себя внимание, что в Концепции не сделан акцент на том, что указанные здесь сквозные и критические технологии относятся к наукоёмким технологиям, разработка которых предполагает особую роль науки и уже по своему определению включает в себя инвестиции в научные исследования.

О значении науки в Концепции упоминается лишь в контексте того обстоятельства, что «основными средствами для обеспечения роста капитализации бизнеса являются создание и оборот результатов интеллектуальной деятельности в сфере новых технологий»⁹. А о проблемах науки говорится лишь в связи с причинами «утечки умов», к числу которых отнесены: «несоответствие уровня оплаты труда ожиданиям соискателей, устаревание научной инфраструктуры, дефицит источников и объёмов финансирования исследований»¹⁰. При этом авторы Концепции отмечают, что в Российской Федерации был предпринят ряд системных действий по реформированию научной сферы, которые остановили процессы деградации науки, но не принесли принципиальных улучшений для развития технологий.

В качестве таких мер указаны «усилия по интеграции научного и образовательного секторов», запуск «ряда специализированных институтов развития (акционерное общество “РОСНАНО”, акционерное общество “Российская венчурная компания”, Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд “Сколково”), Российский научный фонд и другие)», а также создание «линейки налоговых и финансовых инструментов поддержки исследований и разработок, ... реформирование системы академической науки (2005, 2013 годы)»¹¹. Между тем большинство мер из этого перечня вызвали очень неоднозначную реакцию со стороны научного сообщества. По поводу упомянутого здесь образовательного сектора следует отме-

⁸ Концепция технологического развития на период до 2030 года (пункт II). Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения 14.20.2023).

⁹ Там же. Пункт III.1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Пункт III. 2.

тить, что только благодаря решению Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г.¹² вузовские преподаватели вышли из статуса прекариата с краткосрочным трудовым договором (нередко заключаемым сроком на один год) и получили право на трёхлетний трудовой договор по основному месту работы. Без таких гарантий занятости преподаватели, по сути, оказывались в слишком жёсткой зависимости от руководства вузов, что не способствовало свободе научного творчества в рамках преподавания (а именно это лежит в основе интеграции науки и преподавания).

Особо следует подчеркнуть, что о необходимости комфортной *регуляторной среды* в Концепции говорится лишь применительно к компаниям, корпорациям и предпринимателям, проявляющим инновационную активность. Однако без предварительного обеспечения комфортных правовых условий для развития науки невозможно осуществить прорыв в создании критических и сквозных технологий (речь сейчас идёт именно о прорыве, а вовсе не о постепенном наращивании достижений), который мог бы быть подхвачен и запущен в производство компаниями, корпорациями и предпринимателями. Между тем на последнем международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге обсуждение правовых проблем науки свелось к оценке труда научных работников на основе бюрократических по своей сути критериев. Но даже эту, далеко не главную, проблему российской науки такими мерами решить невозможно. Нужно создавать механизмы саморазвития данной системы, включающие в себя внутренние инструменты оценки качества её работы, способные прежде всего противостоять отрицательному отбору при решении кадровых вопросов. В целом же проблемы науки гораздо шире и для их решения требуется пересмотр всей государственно-правовой политики в области науки и технологий. Разработка и реализация такой политики, ориентированной на максимальное использование потенциала правового регулирования, – это тот ресурс, который мог бы существенно сгладить негативные последствия недостаточного финансового, материального и кадрового обеспечения российской науки.

Значение науки как фактора технологического развития можно продемонстрировать на примере биотехнологий, указанных в Концепции в ряду критически важных для страны сквозных технологий. Рассмотрим ситуацию в сфере создания и применения технологии, относящейся к важнейшим достижениям последних десятилетий. Речь идёт о технологии направленного редактирования генома CRISPR-Cas, позволяющей относительно легко и эффективно изменять наследственные свойства живых организмов. Она уже широко применяется в медицине, сельском хозяйстве и ряде отраслей промышленности. Очевидна возможность перехода редактирования генома (в том числе и генома человека) в разряд технологий двойного назначения, хотя эта тема, имеющая непосредственное отношение к проблеме национальной безопасности, в мире широко не обсуждается. Но наиболее

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_422352/ (дата обращения: 14.11.2023).

значимые перспективы связаны с теоретической возможностью управления биологической эволюцией человечества путём редактирования клеток зародышевой линии генома человека. Данная технология стала побочным результатом (своего рода неожиданным бонусом) в рамках изучения механизмов иммунной системы бактерий. Таким образом, исследование «иммунитета» бактерий, крайне далёкое, казалось бы, от практических нужд и уж тем более от трансгуманистических проектов биотехнологической трансформации телесности и сознания человека, открыло перспективы, несущие для человечества колоссальные возможности и не менее значимые по своим масштабам экзистенциальные риски. Этому открытию, за которое была получена Нобелевская премия по химии, предшествовала целая серия прорывов в сфере фундаментальных исследований в области биохимии, молекулярной биологии, геномики человека и биоинформатики.

Если с учётом сказанного рассмотреть возможности более полной реализации в законодательстве конституционного положения о свободе научного творчества, то следует прежде всего отметить тот факт, что действующий ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», принятый более четверти века назад, устарел катастрофически. Правительством РФ был подготовлен проект ФЗ «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации», который затем был трансформирован в проект ФЗ «О научной и научно-технической деятельности» и в 2019 г. вынесен на общественное обсуждение. Законопроект, подвергнутый жёсткой критике [4], был отозван разработчиками и в настоящее время его судьба неизвестна. Одна из главных причин безразличного отношения к созданию данного закона заключается, по-видимому, в том (во всяком случае, именно это показали обсуждения), что принятие подобного закона мало что даст для решения проблем российской науки и, соответственно, для более полной реализации права на науку. Не поможет и расширение предмета регулирования закона о науке путём включения в него технологий или инноваций. Без внесения изменений в гражданский, таможенный, налоговый, трудовой и др. кодексы, а также в федеральные законы о госзакупках, о государственной тайне и т. д., без формирования новой кадровой политики в сфере управления наукой¹³, без выработки эффективных форм взаимодействия с отечественными учёными, работающими за рубежом¹⁴, без создания новых международных площадок для обмена научной информацией и возвращения русскому языку статуса языка современной науки [5] невозможно добиться сколько-нибудь заметного улучшения дел в данной сфере. Очевидно, что все эти проблемы нуждаются в осмыслении, в том числе – и в плоскости проблематики прав человека.

С учётом масштаба необходимых изменений отраслевого законодательства представляется целесообразным пойти по пути принятия специального кодекса законов о науке и научно-технологической деятельности, который вобрал бы в себя всё, что относится к этой сфере из различных отраслей права,

¹³ По мнению специалистов, необходимо «масштабное возвращение в систему управления наукой, особенно на высшие позиции, категории профессионалов вместо дилетантов-менеджеров» [5, с. 274].

¹⁴ В этом отношении особенно интересен опыт Китая [6, с. 49–52].

структурировал бы по степени значимости в общей и особенной частях кодекса и увязал бы её правовое регулирование в единый внутренне непротиворечивый комплекс, в рамках которого можно было бы обеспечить синергетический эффект взаимодействия различных регуляторов. При этом необходимо учесть принятую Правительством РФ установку на переход «от абсолютно рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета», предполагающей «комплекс мер, повышающих роль нерыночных механизмов, институтов и практик». Такая переориентация промышленной политики, требующая существенной корректировки правового регулирования отношений в сфере технологического развития, является главным аргументом в пользу научно-технологического кодекса или – на первых порах (в качестве промежуточного этапа) – федерального закона в форме основ законодательства о науке и научно-технологической политике.

Разработка и принятие такого комплексного нормативного акта (основ или кодекса) потянет за собой создание отрасли научного права (что позволит объединить силы специалистов разных отраслей права на данном комплексном направлении), формирование соответствующих структурных подразделений в научных организациях и учебных заведениях юридического профиля (что обеспечит институциональную основу для развития научного права), расширение номенклатуры юридических специальностей, которая на данный момент не стимулирует к защите диссертаций по правовым проблемам науки и технологий (что привлечет в эту сферу молодых учёных) и т. д.

2. Определение критериев ограничения права на науку осуществляется на основе положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При конкретизации этих критериев применительно к праву на науку следует иметь в виду специфические для данной сферы проблемы. Прежде всего речь идёт о том, что на современном этапе своего развития наука всё в большей мере требует проведения научных экспериментов с участием человека и непосредственно на человеке. Таким образом в сферу регулирования научного права включаются субъекты с уязвимым онтологическим статусом (пациенты, испытуемые, доноры биоматериалов и т. д.), чей правовой статус нуждается в дополнительных гарантиях права на жизнь, достоинство, физическую неприкосновенность, охрану здоровья, личную и семейную тайну и т. д., что, в свою очередь, предполагает соответствующие ограничения прав исследователей. Кроме того, постчеловеческий потенциал ряда новейших технологий выносит в повестку дня проблемы защиты интересов человечества в целом. Ситуация усложняется тем, что в XXI в. действие технологий всё чаще и резче не вписывается в рамки национальных систем законодательства. Подобные технологии нередко называют праворазрушающими, поскольку они подрывают правовую систему изнутри, порождая комплекс сложнейших этико-правовых проблем, затрагивающих права человека¹⁵.

¹⁵ О таких проблемах, порождаемых цифровизацией, см.: [7].

В этих условиях основные критерии ограничения прав исследователей, являющиеся гарантиями прав иных участников исследований (пациентов, испытуемых, доноров биологического материала и т. д.), вырабатываются на уровне международных норм «мягкого права», которые содержатся в резолюциях научных форумов, в декларациях и рекомендациях международных организаций, в руководящих принципах и стандартах проведения исследований общественных объединений, в кодексах профессиональной этики, в экспертных заключениях биоэтических комитетов при международных организациях и т. д. Эта «мягкая» регуляторика в значительной мере и определяет сейчас содержание прав человека в рассматриваемой сфере отношений. Её эффективность обеспечивается издательской политикой ведущих научных журналов, условиями получения грантов на проведение исследований, институтами репутации учёного и деловой репутации бизнес-структур и т. д.

Определяющую роль в создании и обеспечении действенности подобных норм и стандартов в настоящее время играют представители международного научного сообщества. Что касается российских учёных, то масштабы и направления их реального участия в процессе выработки глобальной регуляторной политики в сфере научно-технологического развития на данный момент остаются неясными, и этот вопрос нуждается в прояснении. Тем не менее очевидно, что отечественным юристам необходимо по возможности активнее включаться в международный «регуляторный» дискурс, поскольку регуляторные режимы «мягкого права» – это ещё и эффективный способ ограничения возможностей конкурентов в научной, технологической и экономической сферах. Для стимулирования работы в данном направлении, а также в сфере научной дипломатии в целом целесообразно создание экспертных групп из специалистов разного профиля, рекомендации которых могли бы быть востребованы на международном уровне и были бы полезны для совершенствования российского законодательства.

Следует также обратить внимание на то, что во многих технологически развитых странах существуют национальные этические комитеты при высших органах государственной власти, которые готовят экспертные доклады, консультируют государственные структуры, способствуют развитию этических комитетов при профессиональных ассоциациях, привлекают общество к обсуждению соответствующих этико-правовых проблем, формируя таким образом просвещённое общественное мнение, и т. д. В нашей стране подобная работа ведётся главным образом на уровне Минздрава России, при котором действует Координационный совет по вопросам биоэтики. Однако поскольку этические проблемы, порождаемые технологическим прогрессом, возникают не только в медицине, становится актуальным создание при Президенте РФ национального этического комитета, способного координировать всю осуществляемую в стране работу по социогуманитарному¹⁶ сопровождению

¹⁶ В этом контексте следует отметить, что на базе Национальных институтов здравоохранения США реализуется Программа по этическим, правовым и социальным составляющим (Ethical, Legal, and Social Implications, сокращенно – ELSI), в рамках которой организована работа по формированию государственной политики в данной области. В Европейском союзе получили развитие различные варианты программы «Ответственные исследования и инновации» (Responsible Research and Innovation, сокращенно – RRI).

научно-технологического развития, стимулировать государственные и общественные структуры страны к участию в этой работе, а также вносить свой вклад в выработку актуальной повестки дня по проблемам регуляторной политики в данной сфере.

ВЫВОДЫ:

1. В свете резкого обострения геополитической ситуации важнейшим условием реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации становится обеспечение государственного суверенитета страны. Для России на данный момент времени и на обозримую историческую перспективу наиболее значимым аспектом этой проблемы является достижение технологического суверенитета. Решение этой проблемы требует переориентации научно-технологической политики на максимально полную реализацию свободы научного творчества, закреплённой в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ.

2. Согласно позиции Совета ООН по правам человека, право человека участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами, гарантированное ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, включает в себя не только право на доступ к благам науки без какой-либо дискриминации и возможность вносить свой вклад в науку, но также и право на благоприятную среду, способствующую сохранению, развитию и распространению науки, чему должна корреспондировать соответствующая обязанность государства.

3. На данный момент созданию благоприятной среды для реализации права на науку не уделяется сколько-нибудь заметного внимания в рамках той работы по обеспечению технологического суверенитета России, которая ведётся российскими органами законодательной и исполнительной власти.

4. Главными ориентирами для российского законодательства, регулирующего отношения в сфере научно-технологического развития, должно стать создание максимально комфортных правовых условий для развития российской науки с учётом тех ограничений права на науку, которые заданы в тексте Конституции РФ. Под этим углом зрения необходимо детально проанализировать закреплённые в действующем законодательстве ограничения, ориентированные на учёт международных норм «мягкого права», и выявить резервы для повышения свободы научного творчества в Российской Федерации.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Для максимального использования потенциала правового регулирования, способного существенно сгладить негативные последствия недостаточного финансового, материального и кадрового обеспечения российской науки, представляется целесообразным принятие специального кодекса законов

о науке и научно-технологической деятельности, который вобрал бы в себя всё, что относится к этой сфере из различных отраслей права и увязал бы её правовое регулирование в единый, внутренне непротиворечивый комплекс.

2. В настоящее время базовые критерии ограничения прав учёных и иных участников исследований содержатся в международных нормах «мягкого права», при разработке которых ключевую роль играют представители мирового научного сообщества. Поскольку регуляторные режимы «мягкого права» являются эффективным способом ограничения возможностей конкурентов в научной, технологической и экономической сферах, российским учёным (и прежде всего юристам) необходимо активнее включаться в «регуляторный» международный дискурс. С этой целью было бы полезным создание специализированных экспертных групп, способных эффективно участвовать в выработке глобальной, региональной и национальной политики в области регулирования процессов научно-технологического развития.

3. Для своевременного и конструктивного реагирования на этико-правовые проблемы, порождаемые технологическим прогрессом, целесообразно создание при Президенте РФ национального этического комитета, способного направлять и координировать всю осуществляемую в стране работу по социогуманитарному сопровождению научно-технологического развития, а также вносить свой вклад в выработку глобальной, региональной и национальной повестки дня по соответствующей проблематике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Knoppers B. M., Thorogood A. M. Ethics and Big Data in health // *Current Opinion in Systems Biology*. 2017. Vol. 4. P. 53–57. DOI 10.1016/j.coisb.2017.07.001.
2. Кнопперс Б. М. Генетика, геномика и права человека // *Прецеденты Европейского суда по правам человека*. 2018. № 3 (51). С. 35–42. EDN UNZUGR.
3. Нерсесянц В. С. *Общая теория права и государства*. М. : Норма ; ИНФРА-М, 1999. 539 с.
4. Круглый стол по обсуждению проекта Федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» / Е. В. Семёнов, Л. В. Андриченко, С. А. Боринская [и др.] // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. Т. 1, № 1. С. 13–50. EDN TZHVIO.
5. *Феномен научного права* / Под ред. А. А. Васильева. Барнаул : АЗБУКА, 2021. 280 с. EDN ЕКСWIW.
6. Пугаченко Ю. В. Как Китай привлекает в свои университеты исследователей из-за рубежа // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 1 (678). С. 49–52. EDN RWQFFJ.
7. *Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве : доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека* / И. С. Ашманов, С. Г. Волобуев, В. Б. Наумов [и др.] // *D-Russia : [сайт]*. 2021. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/12/doclad_spch.pdf (дата обращения: 14.11.2023).

Статья поступила в редакцию 06.11.2023.

Одобрена после рецензирования 01.12.2023. Принята к публикации 06.12.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Лапаева Валентина Викторовна** *lapaeva07@mail.ru*

Доктор юридических наук, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 250936

ORCID: 0000-0001-7170-8610

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.1

FREEDOM OF RESEARCH CREATIVITY AS A FACTOR IN ENSURING RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY**Valentina V. Lapaeva¹**¹ Institute of State and Law RAS, Moscow, Russia**For citation:** Lapaeva, V. V. (2023). Freedom of research creativity as a factor in ensuring Russia's technological sovereignty. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 4. P. 14–26. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.1.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the possibilities for the fullest possible implementation of the provision on freedom of research creativity enshrined in Part 1 of Article 44 of the Constitution of the Russian Federation. Freedom of academic creativity is considered as one of the most important factors in ensuring the technological sovereignty of Russia. It is not given due attention by government authorities. From these standpoints, the author substantiates the thesis that freedom of scholarly creativity presupposes such an interpretation of the right to science, which includes, among other things, the obligation of the state to promote the development of science. Based on the method of legal and dogmatic interpretation of the Constitution of the Russian Federation, some directions for developing the right to science and filling it with specific legal content are determined. The idea of adopting a special code of laws on science as well as research and technological activities is substantiated. It would turn all legal regulations of this area into a single internally consistent framework. Special attention is paid to the role of international regulatory regimes of “soft law” as a factor influencing the research and technological policy of Russia and the need to take organizational measures for a more active inclusion of Russian researchers in the formation of global, regional and national agendas on relevant issues.

Keywords: freedom of research creativity, Constitution of the Russian Federation, right to science, technological sovereignty, conception of technological development, legislation on science, scientific and technological code, branch of research law, “soft law”

REFERENCES

1. Knoppers, B. M. and Thorogood, A. (2017). Ethics and Big Data in health. *Current Opinion in Systems Biology*. Vol. 4. P. 53–57. DOI 10.1016/j.coisb.2017.07.001.

2. Knoppers, B. M. (2018). *Genetika, genomika i prava cheloveka* [Genetics, genomics and human rights]. *Pretdedenty Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Case-law of the European Court of Human Rights]. No. 3 (51). P. 35–42. (In Russ.).
3. Nersesyants, V. S. (1999). *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow : Norma ; INFRA-M. 539 p. (In Russ.).
4. Semenov, E. V., Andrichenko, L. V., Borinskaya, S. A. [et al.]. (2019). Round table discussion on the project of the Federal Law on Science and Scientific Activity. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 1, no. 1. P. 13–50. (In Russ.).
5. *Fenomen nauchnogo prava* [The phenomenon of scientific law] (2021). Ed. by A. A. Vasiliev. Barnaul : AZBUKA. 280 p. (In Russ.).
6. Pugachenko, Yu. V. (2014). Kak Kitay privlekayet v svoi universitety issledovateley iz-za rubezha [How China attracts researchers from abroad to its universities]. *Asia and Africa Today*. No. 1 (678). P. 49–52. (In Russ.).
7. Ashmanov, I. S., Volobuev, S. G., Naumov V. B. [et al.] (2021). Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v tsifrovom prostranstve : Doklad Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka [Digital transformation and protection of citizens' rights in the digital space : Report of the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights]. *D-Russia*. Available at: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/12/doclad_spch.pdf (accessed: 14.11.2023). (In Russ.).

The article was submitted on 06.11.2023.

Approved after reviewing on 01.12.2023. Accepted for publication on 06.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Lapaeva *lapaeva07@mail.ru*

Doctor of Law, Chief Researcher, Institute of State and Law RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 250936

ORCID: 0000-0001-7170-8610